

Тот голос звучал мягко и приятно, но у Жуньцина по спине пробежал холодок.

Он глубоко вдохнул, подавляя вспыхнувшее негодование, медленно обернулся и ответил Сюнь Дуаньчэну:

— Я всего лишь подмастерье в лечебнице Гэ Шии и не заслуживаю обращения господин лекарь. Зачем вы меня звали?

— Ты заслуживаешь, — внезапно подал голос Гэ Шии. — Только что в покоях цзюньчжу твой диагноз был точен, а назначение лекарств — безупречно. С сегодняшнего дня ты становишься штатным лекарем моей лечебницы.

Жуньцин замер от изумления. Он посмотрел в улыбающиеся глаза Гэ Шии, открыл рот, но не нашелся что сказать. До приезда сюда он слышал, что в Шэнцзине ученику требуется не менее трех-пяти лет, чтобы дослужиться до звания лекаря, а тут — всего полдня...

Гэ Шии похлопал Жуньцина по плечу и подшутил:

— Что опять застыл? Поговори с господином Сычэнем. Я подожду тебя в приемной.

Дуаньчэн сделал приглашающий жест:

— Господин лекарь Сюй, пройдемте сюда, побеседуем?

Жуньцин помедлил, но все же неохотно последовал за Дуаньчэном к повороту крытой галереи. Здесь рос пышный куст сирени, сине-фиолетовые соцветия сбились в плотные гроздья, и в воздухе едва уловимо разливался тонкий аромат, напоминающий взгляды, которые то и дело бросал на него Сюнь Дуаньчэн. Жуньцин лишь опустил ресницы, храня молчание.

— Гэ Шии всегда отличался заносчивостью, — Дуаньчэн протянул руку и потерял лепесток сирени. — Непросто заслужить повышение до лекаря в его заведении меньше чем за день. Фу Ин, похоже, ты куда более непростой человек, чем я полагал.

Жуньцин холодно ответил:

— Что вы имеете в виду, господин Сычэнь?

Дуаньчэн тихо рассмеялся, и его взгляд внезапно стал обжигающим:

— Мне просто любопытно, что ты сделал с тем стражником у городских ворот, который досматривал багаж? Почему он вдруг начал чихать без остановки?

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — тон Жуньцина оставался ледяным и безразличным.

Дуаньчэн не придавал этому значения и продолжал, как ни в чем не бывало:

— Впрочем, раз ты сведущ в медицине, всему найдется объяснение. Не хочешь говорить — не надо. У меня к тебе лишь одна просьба: скажи прямо, в чем причина болезни цзюньчжу? Как именно гуйманкуй оказался в ее укрепляющем отваре?

Сюй Жуньцин, глядя на покачивающиеся цветы сирени, произнес:

— Порой женщины, желая сохранить красоту, решаются на опасные эксперименты с сомнительными рецептами. Цзюньчжу питает к господину Сюю глубокие чувства, надеюсь, вы не разочаруете ее.

Услышав это, Дуаньчэн слегка изменился в лице, а затем торжественно произнес:

— Я понял. От имени цзюньчжу благодарю вас за старательное лечение.

Сюй Жуньцин сложил руки в приветственном жесте:

— Вы слишком добры. Долг лекаря — спасать жизни, я лишь исполнял свои обязанности. Если у вас больше нет поручений, я пойду.

...

Когда суматошный день подошел к концу, Жуньцин вышел из лечебницы. Небо уже потемнело. Цзинчэн окутал туман, и фонари по обеим сторонам улицы расплывались в нем теплыми желтыми ореолами, напоминая ему бумажные фонари, которые в Шучжоу вешали в каждом доме на праздник весны. Он плотнее запахнул одежду и ускорил шаг, направляясь к переулку Хутоу.

Было уже время суй, когда он вернулся в свой маленький дворик. Он толкнул калитку — внутри было тихо, все оставалось точно таким же, как в момент его ухода, словно время здесь остановилось. Жуньцин вошел в комнату, положил на стол бумажный сверток и зажег масляную лампу на письменном столе.

Лампа была выполнена из белого фарфора в форме гуся. Тонкая работа, гладкая глазурь, изящно изогнутая шея, а фитиль тянулся прямо из клюва. Глядя на подрагивающий огонек, Жуньцин подумал, что у хозяина дома определенно есть вкус.

Лепешка в бумаге уже остыла. Но он не обратил на это внимания, разломил ее и принялся есть с соленьями, привезенными из Шучжоу. Он нашел в лечебнице неплохую работу, должен был

радоваться, но события в резиденции Шаншу неотступно всплывали в памяти.

Стройный силуэт Сюнь Дуаньчэна у ширмы, колышущаяся на ветру сирень, слова Гэ Шии и странное, не поддающееся описанию чувство, затаившееся на душе, — все это сплелось в тугой узел, не давая покоя.

Раздался треск, фитиль лампы вспыхнул ярче, разлетелись искры, вырвав Жуньцина из раздумий. Он покачал головой, отгоняя навязчивые мысли, и раскрыл медицинский трактат.

Когда на душе было беспокойно, он привык читать книги. Названия лекарств и рецепты обладали какой-то магией, отсекая все лишнее и постепенно возвращая ему душевное равновесие.

Устав читать, он прилег на кушетку. Тень от лампы-гуся растянулась по стене, и Жуньцин, глядя на нее, решил, что она похожа на одинокого журавля со сломанным крылом, который безмолвно о чем-то взывает. Он задул лампу и закрыл глаза, пытаясь изгнать из головы остатки тревожных мыслей.

В темноте он прикидывал: как только Юнь Шо покинет Цзинчэн, он переедет жить в лечебницу. Так можно и сэкономить на аренде, и больше времени посвятить изучению медицины под началом Гэ Шии. А когда накопит достаточно денег — вернется в Шучжоу и поможет учителю открыть достойную аптеку. Учитель не только вырастил его, но и передал все свои знания, и он обязан отплатить за эту доброту.

Внезапно во дворе раздался резкий стук в ворота.

Жуньцин вздрогнул и сел на постели. Накинув верхнюю одежду, он поспешил к выходу и тихо спросил:

— Кто там?

<http://bllate.org/book/19776/1948381>